

УДК 94(47).084.3+94(470.322)

Гатилов Эдуард Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
теории государства и права и конституционного права

*ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк, Россия*

398600, г. Липецк, ул. Московская, 30, e-mail: gatilow.e@yandex.ru

**ФАКТОР КРЕСТЬЯНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ 1917–1919 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Eduard V. Gatilov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History,
Theory of State and Law and Constitutional Law

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'*

Perm, Russia, 614990, 24, Sibirskaja Str., e-mail: gatilow.e@yandex.ru

**THE FACTOR OF PEASANT CONSCIOUSNESS
IN THE AGRARIAN REFORMS OF THE BOLSHEVIKS IN 1917–1919
(BY THE EXAMPLE OF YELETS DISTRICT, OREL PROVINCE)**

Аннотация: рассматривается реакция крестьянства Елецкого уезда Орловской губернии на осуществляемые в 1917–1919 гг. аграрные преобразования большевиков. Теоретические и идеологические представления большевистского руководства столкнулись с базовыми представлениями крестьянства. Конфликт интересов власти и земледельцев обозначился уже в начальный период аграрных преобразований, но его кардинальное разрешение было отодвинуто во времени гражданской войной и новой экономической политикой.

Ключевые слова: аграрные преобразования, потребительская норма, коллективные формы хозяйствования, частнособственническая ментальность.

Annotation: is about the reaction of the peasantry of Yelets district, Orel province to the carried out in 1917–1919 agricultural transformations of the Bolsheviks. The theoretical and ideological views of the Bolshevik leaders faced with the basic notions of the peasantry. The conflict of the interests of the authorities and farmers was designated in the initial period of the agrarian reforms, but its dramatic resolution was pushed back in time by the civil war and the new economic policy.

Keywords: agricultural transformation, consumer norm, collective farms, private-ownership mentality.

Земельные отношения в российской деревне в начале XX в. отличались многообразием, что определялось как региональной спецификой, так и разнообразием участников. В них были включены представители различных социальных слоев – дворянства, купечества, крестьянства, мещанства, разночинцев и других социальных групп, органы местного самоуправления, отдельные учреждения. Ядром этих отношений в первую очередь являлась собственность на землю, во вторую – на прочую недвижимость. Неудивительно, что аграрные преобразования, проводимые в 1917 г. как Временным, так и Советским правительством, были связаны именно с сохранением/изменением отношений собственности на землю.

Однако необходимо иметь в виду, что социальные предпочтения и идеологические представления носителей государственной власти в области аграрных преобразований на практике серьезно корректировались непосредственными участниками земельных отношений. Степень данной корректировки определялась региональными особенностями, включающими социальную градацию регионального сообщества, ресурсное содержание территории, особенности менталитета. Игнорирование данных особенностей в прошлом отражается на реализации аграрной политики и в настоящее время. В связи с этим важно рассмотреть аграрную трансформацию, предпринятую большевиками в 1917 г., с целью выявления ее ментальных последствий на примере отдельной территории, в данном случае Елецкого уезда Орловской губернии.

1917-й стал годом земельного передела, активизированного февральскими событиями. В первой половине 1917 г. практический переход земли к крестьянам представители Временного правительства пытались ввести в рамки «правового» наделения, через посредничество уездных земельных комитетов. Определенная часть земель Елецкого уезда перешла крестьянам в арендное пользование посредством деятельности уездного земельного комитета. В июле–декабре 1917 г. по материалам, представленным 14 (из 21) волостными земельными комитетами, последние приняли от 91 землевладельца 4048 десятин земли [1, д. 5, л. 1–4] и передали их в аренду крестьянским обществам. В частности, в Воронежской волости Елецкого уезда 11 землевладельцев под посев 1918 г. сдали для передачи в аренду крестьянам 669 десятин [1, д. 5, л. 24]. В основном сдавалась в аренду паровая земля, в меньшем объеме – луговая. Как правило, земля «своих» землевладельцев – помещиков, купцов, монастырей – распределялась между крестьянами на уравнительной основе.

Земельное законодательство новой власти – Декрет о земле от 25.10.1917 и последующее Положение о земельных комитетах от 04.12.1917 – резко заморозило многообразие земельных отношений по всей стране, в том числе и

в елецкой деревне. Интересен в данном отношении документ, адресованный Елецкому земельному уездному комитету: «В ответ на отношение от 24 ноября 1917 г. за № 699 по делу о разрешении сделки на куплю-продажу усадебной земли с домом и постройками И.К. Родионову и А.С. Васильеву Губернская Земельная Управа предлагает Уездному Комитету уведомить просителей, что на основании закона о земле всякие сделки на землю в пределах Российской Республики прекращены» [1, д. 8, л. 33].

Однако крестьянство, стоявшее перед необходимостью подготовки к весеннему севу 1918 г., не могло и не хотело ограничиться распоряжениями властей. Для основных сельхозпроизводителей, непосредственно зависящих от результатов своего труда, вопрос об обеспеченности землей требовал скорейшего разрешения. Неудивительно, что уже осенью – зимой 1917 г. начинается активное изъятие крестьянством земельной собственности у бывших владельцев.

Насколько сложно и хаотично шел процесс перевода собственности бывших владельцев в руки крестьян, свидетельствуют документы. Вот как описал события в деревне декабря 1917 г. член Совета Орловского Губернского Земельного Комитета Ю.Н. Ростовцев: «По издании в последних числах декабря 1917 г. декрета, в котором предписывается распродать живой и мертвый инвентарь из частновладельческих хозяйств беднейшему населению уезда, волостные земельные комитеты поспешили приступить к исполнению декрета без достаточной организации распределения скота между селениями и не дождавшись инструкции исполнительного комитета.

Одна из первых приступила к проведению распродажи инвентаря Больше-Боевская волость Елецкого уезда. В первые дни Рождества был распродан живой инвентарь в экономиях Красовитова, Петрова, С.И. Ростовцева, в имении Рудь и у Данилова. При этом продажа производилась следующим образом: назначив день продажи, председатель волостного комитета в назначенный день является в экономию, раздает собравшимся крестьянам билетки с номерами, и в порядке номеров крестьяне идут на скотный двор или конюшню и выбирают себе лошадь или корову. Цены назначались низкие – от 15 до 35 руб. за лошадь. Никаких записей и списков лиц, получивших скот, не велось. Причем председатель не стеснялся и в первую очередь сам выбирал себе лошадей и коров. Действия председателя возбуждали крестьян, и председатель вызвал для охраны порядка солдат.

Когда был распродан живой инвентарь из имения С.И. Ростовцева, Красовитова и Петрова, то крестьяне д. Мещевки сочли себя неудовлетворенными прошедшей продажей, свезли в одно место весь мертвый инвентарь и объявили,

что поделят его между собой. После распродажи живого инвентаря из имения Данилова, находящегося при селе Хитрове, усадьба была разграблена. Некоторые из крестьян протестовали против разгрома и послали за солдатами в соседнюю экономию. При появлении солдат разгром прекратился, но было уже поздно, так как из дома все имущество было расхищено.

В таком же порядке был назначен волостным комитетом к продаже живой инвентарь из хутора Алексеевского, принадлежащего Ростовцевым, хотя хутор волостным комитетом был признан культурным, потому не подлежащим распродаже. Владельцы сделали соответствующее заявление уездному земельному и исполнительному комитетам. Исполнительный комитет командировал на место комиссара для наблюдения за порядком и недопущения, согласно инструкции, распродажи конного завода и племенного рогатого скота с хутора. Уездный Земельный комитет командировал в соседнюю Каменскую волость члена земельной уездной управы и сообщил Больше-Боевскому земельному комитету о том, что племенной и заводской скот распродаже не подлежит.

Председатель Больше-Боевского волостного комитета, узнав о данном запрещении, приехал вечером на хутор и приказал комиссару, назначенному по принятии хутора в ведение земельного комитета, наблюдать за его сохранностью, вывести и привязать к своим саням двух лучших маток конного завода и увел последних к себе. Комиссар тоже наметил себе лошадь, но решил прокормить ее на хуторе до весны. Исполнительный комитет предписал переизбрать председателя Больше-Боевского волостного комитета. Крестьяне были возмущены поведением данного председателя, и для охраны его имущества и семьи комиссар должен был послать солдат.

В день, когда была назначена продажа скота, на Алексеевский хутор с утра стали съезжаться крестьяне окрестных селений. Комиссар исполкома объявил крестьянам, что продажа отложена, так как переизбирают председателя волостного земельного комитета, и должна выйти инструкция о порядке продажи скота. С утра приехавшие крестьяне, узнав об отмене продажи, уезжали, но после обеда съехались в количестве до 500 человек от пяти селений, причем захватили с собой безмены и небольшие ломы. Большинство крестьян было пьяно. Комиссару удалось уговорить собравшихся, уже приступивших к разбору бани и захвату саней, выделить несколько человек для объяснений, чем был предотвращен разгром усадьбы. Продажа была отменена на несколько дней. Комиссар исполнительного комитета просил прислать на помощь красногвардейцев» [1, д. 5, л. 44–45].

Стремление крестьян успеть поучаствовать в начавшемся переделе и расхитительстве не могло не вызвать обеспокоенность Комиссариата земледелия

Елецкого уезда. Комиссариат вынужден был призвать волостные земельные комитеты к принятию всех мер, способствующих сохранению культурных имений [1, д. 14. л. 7, 11, 46]. Реальная угроза крестьянского расхитительства «культурных экономий», создание которых было инициировано декретом о земле, крестьянские самозахваты требовали привлечения значительных воинских сил как для охраны изымаемых у бывших землевладельцев имений, так и для изъятия у крестьян захваченного ими живого и мертвого инвентаря [1, д. 1. Л. 248, 251].

Крестьянское стремление улучшить свое положение за счет помещичьих и частновладельческих земель, имений и имущества не являлось свидетельством испорченности крестьян. Основная беда, которая толкала крестьян порой к откровенному произволу, – малоземелье и бедность. И представители новой власти это прекрасно понимали, как понимали и сложность решаемой задачи. «В настоящий момент Россия живет в особо тяжелых условиях внешней и внутренней войны, и нет надежды на то, что к весне 1918 г. может быть осуществлено перераспределение земель по всей России. А между тем, весной текущего года весьма возможны междоусобные столкновения крестьянства при самочинном распределении частновладельческих земель», – отмечалось в одном из документов Елецкого уездного Земельного комитета [1, д. 122, л. 65 об.].

Большевистская власть прежде всего пыталась контролировать земельный передел, осуществлять его целенаправленно, планомерно и четко. Однако опыта широкомасштабного перевода земель в пользование крестьян у регионального большевистского руководства еще не было. Только в апреле 1918 г. Орловским губернским земельным комиссариатом будут разработаны Правила временного распределения земель сельскохозяйственного назначения. Вместе с тем практика земельного передела выявила проблемы разнообразного характера. Не хватало образованных кадров, которые могли быть использованы для осуществления учета изымаемых ценностей – земли, прочей недвижимости, живого и мертвого инвентаря, семенного материала и т. д. Как правило, к этой деятельности привлекались агрономы [1, д. 1, л. 246], землемеры и другие образованные лица.

Новой власти необходимо было максимально быстро удовлетворить нужды крестьян, для чего реализовывался принцип наделения землей по потребительской норме. В статистической сводке данных волземкомов Елецкого уезда отмечалось: «Сопоставляя земельную площадь Елецкого уезда с численностью земледельческого населения... – 327352 души обоего пола, найдем, что на каждую наличную душу крестьянского земледельческого населения в Елецком уезде приходится пашни 1,09 десятины (1 дес. 212 кв. саж.), а земель хозяйствен-

ного значения – усадьбы, сенокоса, выгона – 1,21 десятины (1 дес. 504 кв. саж.)» [1, д. 122, л. 66 об.]. Общеуездная норма, по данным Елецкого уездного земельного отдела, составила 1,07 десятины. В мае 1918 г. Комиссия по земельной реформе, избранная на съезде волостных земельных отделов, на основании проведенного статистического учета установит, что на практике данная норма составляла 0,97 десятины [1, д. 95, л. 17].

Елецкий уездный земельный комитет считал своим долгом произвести к весне 1918 г. временное распределение пахотной земли уезда между трудовым земледельческим населением. Общая площадь всей земли Елецкого уезда на начало 1918 г., по данным волземкомов, составляла 435184,28 десятины. Около 97 % данной площади составляли земли, отнесенные к разряду удобных земель, и около 3 % – неудобных. Весь фонд удобной земли подразделялся на категории земель сельскохозяйственного значения в следующем соотношении: распашной – 87 %, сенокоса – 2,9 % и усадебной – 5,8 %. Часть площади удобной земли, составляющая около 4 %, была занята лесом.

Более трех четвертей всей удобной земли в уезде принадлежало крестьянам: в наделном пользовании у крестьян находилось 261409,83 дес. (62 %), купленной на праве частной собственности – 90249,90 дес. (21,4 %). Следовательно, в крестьянском землепользовании находилось 83,4 % земель от общей площади. Частновладельческие земли дворян, купцов, мещан, разночинцев и лиц прочих сословий в Елецком уезде составляли 65619,56 дес. (15,6 % от общей площади). Около 1 % в сумме составляли земли города Ельца (0,6 %), казны (0,3 %), церкви и монастырей (0,07 %), крестьянского поземельного банка (0,03 %) [1, д. 122, л. 65, 66 об.].

Земельный фонд уезда был настолько малым, что нормальное наделение крестьян возможно было осуществить только при выходе за земельные границы уезда, то есть при общегубернском переделе. Используя же только земли уезда при наделении крестьян по потребительской норме, т. е. на каждую живую душу, добиться хоть какого-то серьезного приращения было практически невозможно даже с учетом конфискованных частновладельческих земель.

По данным волземкомов, принимавших на учет имущество частновладельческих имений, в конце 1917 – начале 1918 г. по уезду у 343 землевладельцев было изъято немногим больше 50 тыс. десятин пахотной земли [1, д. 4, 9, 21]. В целом, по данным волземкомов, в Елецком уезде в первой половине 1918 г. у 1480 частновладельцев, составлявших чуть более 4 % от всего населения уезда, было изъято 73 817 десятин земли. В данную площадь, вероятно, вошли и земли хуторян и отрубщиков.

При разверстке частновладельческих имений и хуторов весной 1918 г. усадьба, огороды, сады, леса и сенокосы не подлежали распределению, делилась только пахотная земля. Указанные категории частных владений оставались в ведении земельных комитетов и предназначались для сдачи в аренду. Для их обслуживания предполагалось оставить соответствующее количество скота, мертвого инвентаря и по 10 десятин пахотной земли. Первоначально бывшие владельцы наравне со всеми гражданами имели право получить клочок пахотной земли из оставленных 10 десятин пашни, прилегающей непосредственно к усадьбе, кроме того, пользоваться частью усадьбы, сенокоса, выгона, леса, сада, необходимых построек, домов, живым и мертвым инвентарем [1, д. 122, л. 65 об., 66]. Однако наличие столь ненадежного для власти контингента повлекло его последующее удаление.

Изъятая земля стала основанием для внутриуездного передела по потребительской норме. При этом изъятые земли в одних волостях создали излишек, а в других – не покрыли даже собственных нужд для достижения потребительской нормы. Следствием этого стало перераспределение земель между волостями. На рисунке приведены данные об объеме изъятых в волостях частновладельческих земель и земельных площадях, подлежащих передаче волостям, имеющим недостаток в землях.

Необходимость обеспечения потребительской нормы создавала серьезные технические трудности. Во-первых, для определения нормы использовали перепись населения 1917 г., которая оказалась весьма запутанной и не соответствующей реалиям рубежа 1917–1918 гг. Во-вторых, трудно было соблюсти единообразный порядок перераспределения. Основное правило было следующим: внутри волости надельная земля каждого общества оставалась за обществом по норме. В случае излишка земля сверх нормы отрезалась соседнему обществу или в фонд частновладельческих земель. Отрез земли в ругие волости производился за счет частновладельческой земли.

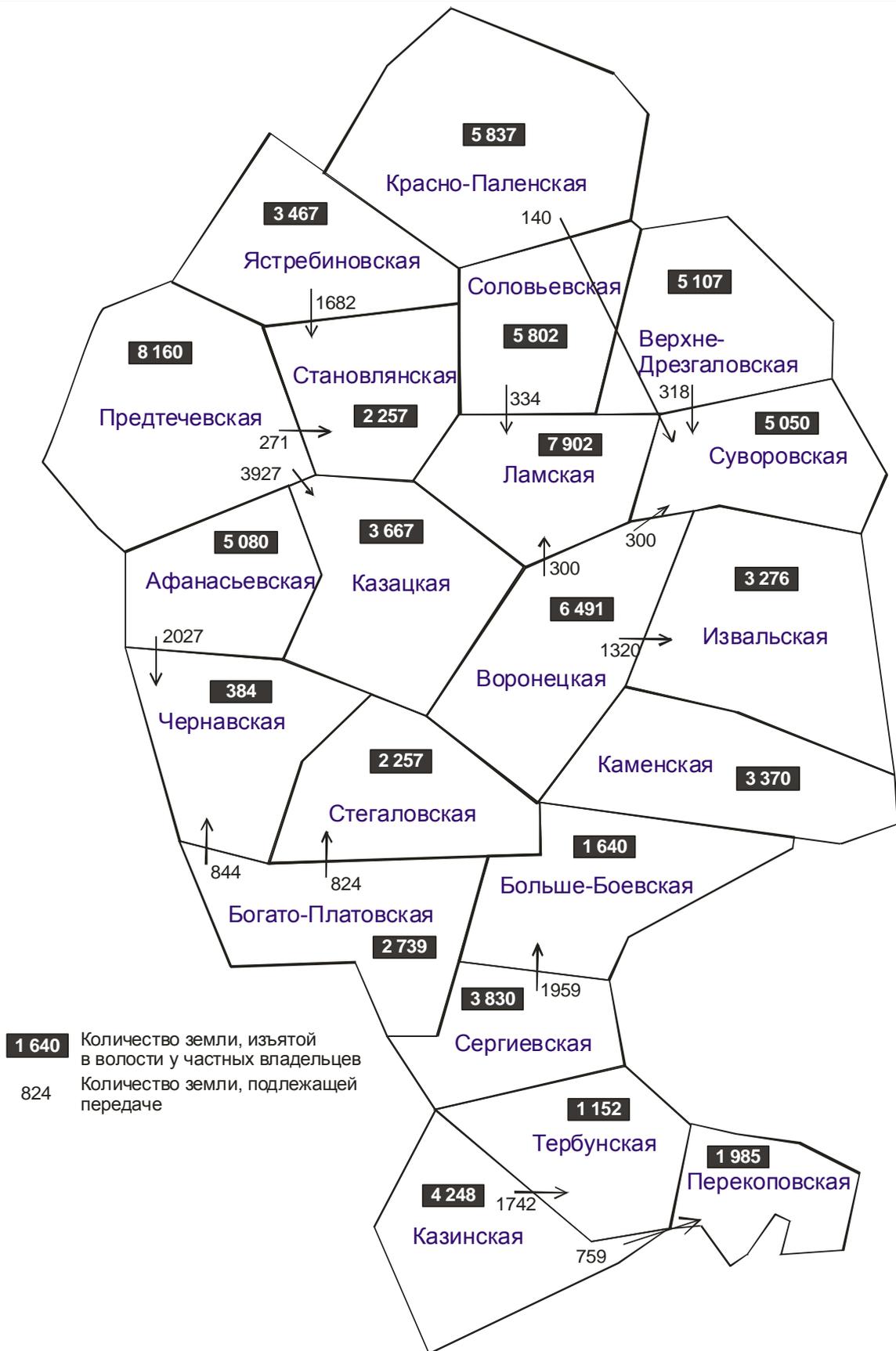

Рис. Объем земельных площадей, подлежащих передаче волостям Елецкого уезда для достижения потребительской нормы

Однако изъятые земли находились не на границах волостей-доноров, а часто в их массиве, что существенно увеличило удаленность земель от нуждающихся крестьянских обществ. В отдельных случаях такая передача могла быть осуществлена только при переезде крестьян из нуждающейся волости. Так, Суворовская волость для удовлетворения нужд крестьян по потребительской норме должна была получить земли не только от граничащих с нею Дрезгаловской и Ламской волостей, но и от удаленной Краснополянской.

Реализация уравнительной нормы еще не делала крестьян равными. Главная цель носила политический характер – привлечь крестьянство на сторону большевистской власти в условиях разворачивающегося гражданского противостояния. С экономической точки зрения уравнительное перераспределение земель лишь микшировало неравномерность расселения населения Елецкого уезда, но земельная теснота как таковая не устранялась. Предпринятый властью земельный обмен между волостями был хорош на бумаге. В реальной же крестьянской жизни все интересы замыкались на близлежащих землях. Именно из-за них разгораются многочисленные земельные конфликты как между обществами внутри волостей, так и между обществами смежных волостей.

Упоминаниями об этих конфликтах пестрят отчеты землемеров Земельно-технического отдела Елецкого Комиссариата земледелия. Землемер Будаговский по итогам командировки 14 мая – 19 августа 1918 г. в Извальскую волость записал: «В течение нескольких дней раздел земли обществам был закончен на волостном сходе, но вследствие различных недоразумений одного общества с другим этот раздел не мог везде пройти без прений и споров... нередко приходилось склонять враждующие стороны ко взаимному согласию, уступкам... выезжать на места спора в случаях неулаживания конфликтов. В случаях же неразрешения конфликтов местными властями приходилось непосредственно обращаться в конфликтную комиссию Уездного Комиссариата Земледелия, которая... разрешала спор, как это было, например, при разделе земель Бехтеева между Извальской и Суворовской волостями, Пятницким и Больше-Извальским обществами» [1, д. 131, л. 3–4].

Землемер А. Скиридов отмечал, что «ввиду безысходного положения всего юга Больше-Боевской волости в земельном отношении... произведен обмен земель между Сергеевской и Больше-Боевской волостями... 4–30 июля улаживание конфликтов: с. Больше-Боевка – д. Зыбенка, д. Ильинка – д. Успенки, д. Брусенцово – хуторяне Шестаков и Лехницкий, с. Больше-Боевка – д. Жемчужникова, д. Карташовка Воронежской губернии и д. Карташовки Орловской губернии в части земли частновладельца Фаустова» [1, д. 130, л. 17 об.]. Землемер Ю. Цирк, после командировки в Чернавскую волость, указывал: «Особен-

ности этой волости в том, что в ней в своих пределах кроме одного имения, оставленного под культурное хозяйство, не имеется никаких экономических земель. Вся прирезка в количестве 5 240 дес... досталась от Богато-Платовской волости... все эти земли населению были совершенно неизвестные; население же Больше-Платовской волости, от которого отрезалась земля, не оказывало никакого содействия при отрезке». Им же были указаны на местности участки земли для обществ Сосновая Казинка и Русская Казинка. Как замечает землемер, крестьяне первоначально отказались от полученной в прирезках земли вследствие ее удаленности [1, д. 130, л. 15].

Об остроте крестьянской борьбы за землю свидетельствует телеграмма комиссара земледелия Елецкого уезда от 8 июня 1918 г., направленная всем волостным земельным отделам. В ней говорится следующее: «Ввиду того, что время обработки паровой земли уходит, а некоторые общества еще не распределили между собой землю, занимаясь больше спорами и раздорами, Комиссариат Земледелия требует прекращения споров и срочного перехода к работам, ибо с паровой обработкой земли и обсеменением озимого хлеба связана судьба продовольствия населения и революции. Все спорные вопросы должны разрешаться на местах Советами совместно с землемерами и инструкторами Комиссариата Земледелия. Все заявления в Комиссариат Земледелия отдельных лиц и представителей обществ без постановления Советов Комиссариатом Земледелия рассматриваться не будут» [1, д. 94, л. 57].

Однако благому желанию властей не суждено было сбыться. Поземельные конфликты между обществами продолжались и в 1918, и в 1919 г. Не остановило их и белогвардейское вторжение войск Мамонтова. В отчете землемера от 26 июня 1919 г. отмечалось: «Въехав 25 апреля в Краснополянскую волость, пришлось столкнуться с печальной действительностью после восстания (вторжения белогвардейцев – Э.Г.) в волости: исполком не функционирует, здание волисполкома сожжено, нет ни людей, ни бумаг, ни лошадей для разъездов... С 27 апреля по 10 мая объехал 28 деревень. 28 мая общее собрание волисполкома с представителями от обществ и раздел пара по норме. С этого момента начались конфликты между обществами» [1, д. 319, л. 10, 10 об.].

В центре всех поземельных конфликтов находились крестьянские общества. Земельные споры велись ими с любыми оппонентами, будь то соседствующее крестьянское общество, культурное хозяйство или вновь образованные коммуны и трудовые артели. Причем последние стали причиной значительного объема землеустроительных работ как при их создании, так и при их ликвидации. Создаваемые коммуны необходимо было вписать в сложившуюся на той или иной территории систему землепользования, что часто вызывало разнооб-

разные споры. Так, к примеру, в июле 1919 г. был произведен отвод участка земли под Донскую Трудовую Коммуну в количестве 45 десятин. На этом основании возникло недоразумение между коммуной и обществом села Новый Ольшанец из-за прогона для скота жителей села через земли коммуны. Землемеру пришлось несколько раз переделывать уже скорректированный участок, чтобы разрешить возникший конфликт [1, д. 319, л. 14, 14 об.].

При ликвидации коммуны необходимо было осуществить земельный передел с учетом наделения бывших коммунаров землей по потребительской норме. И это при том, что уже был осуществлен передел земель ближайших крестьянских обществ. Неудивительно, что в земельных коллизиях 1918–1919 гг. коммуны из-за своей нестабильности вызывали даже большее раздражение крестьянского мира, чем создаваемые на основе культурных хозяйств совхозы. По данным Елецкого уездного земельного комитета, до 12 декабря 1918 г. в уезде было создано три коммуны и девять артелей, а до 1 июня 1919 г. к ним добавилось еще пять коммун и 13 артелей. При этом за период с 1 июня 1918 г. по 1 июня 1919 г. распалось семь коммун и восемь артелей [1, д. 198, л. 54, 54 об.].

Невозможность власти кардинальным образом разрешить аграрные проблемы продолжала порождать крестьянские конфликты, в силу чего уездные власти вынуждены были год за годом решать практически одни и те же задачи. Так, в ряду задач, очерченных в августе 1918 г. на общем собрании землемеров Елецкого уезда, были указаны следующие: «съемка всех имеющихся в пределах уезда культурных хозяйств... составление их планов; приступить к съемке всех угодий в уезде, имеющих общегосударственное значение (сады, каменоломни и проч.); отвод земель под новые поселения и распланирование при них усадеб... собрание предвидит возможность возникновения среди населения конфликтов и недоразумений, связанных с земельными разделами, в разрешении которых потребуется участие землемеров» [1, д. 131, л. 3 об.]. Через год, в июне 1919 г., в докладе о ходе землеустроительных работ отмечалось, что в уезде «ведутся смежные работы по заканчиванию распределения прошлого года, отводу земель коллективам и совхозам, а также по разбору конфликтов» [1, д. 319, л. 6 об.].

Практика осуществления поставленных задач наглядно отражена в отчете землемера С.И. Ацеланова. За период с 1 по 30 июня 1919 г. им была проведена работа: «переписана статистика по Ламской и Дрезгаловской волостям; составлена сводная ведомость на земли, распределенные в 1918 г. по Дрезгаловской волости; отведена земля Фроловской коммуне площадью 75 десятин; поездка по улаживанию конфликтов между гражданами сл. Александровской и д. Хме-

линец; работа по составлению волостной карты; пять дней разбирались спорные дела» [1, д. 319, л. 18].

Реализация поставленных властями обширных задач тормозилась по разным причинам. С одной стороны – нехватка кадров (всего 16 землемеров на уезд), недостаток измерительных инструментов. С другой стороны – значительный объем работ, связанный с перераспределением земель, стремлением вписать в существующую систему земельных отношений новые формы коллективного хозяйствования. Но, несомненно, главным препятствием являлось малоземелье и отсутствие хоть какого-то фонда свободных земель. Частновладельческие земли фактически растворились в крестьянском море при наделении по потребительской норме. Высокая плотность земледельческого населения исключала возможность снижения конфронтации между землепользователями.

Справедливости ради следует заметить, что часть крестьян искала возможности выйти из порочного круга земельной тесноты посредством переселения. Но основная часть елецкого крестьянства не имела фактической возможности что-либо изменить в земельных отношениях. Более того, как справедливо замечает В.П. Николашин, «крестьянин-прагматик был против ломки вековых аграрных устоев, на которых базировалось его благосостояние» [2]. Но к сохранению традиций хозяйствования следует добавить и фактор Гражданской войны, который на фоне разрушения экономики консервировал земельные отношения, заставлял крестьян держаться своего клочка земли, сохранять крестьянскую общину. На этой почве частнособственнический инстинкт крестьян получил еще большие основания. Неудивительно, что неудовлетворенность крестьян в земельном вопросе выливалась в агрессию против всех иных земельных собственников, будь то дворянин, хуторянин или купец в 1917–1918 гг., волземком, совхоз или коммуна в 1918–1919 гг.

Именно данный инстинкт формировал рациональный подход крестьян к конкретной ситуации. Даже вступая в коллективные хозяйства, крестьяне несли с собой собственные представления о землеустройстве, прекрасно осознавая полезность тех или иных действий. Интересен в этом отношении Устав по коллективной обработке, принятый крестьянами деревни Первой Барановой Афанасьевской волости 2 апреля 1919 г. В нем, в частности, отмечено: «...мы, вступившие в коллектив, обязуемся вести себя честно. И вести себя в работе с усердием. Земля чтобы была нам прирезана к своей по числу душ, сколько предстоит на душу, и чтобы была дана земля итогом, а не на разных полях» [1, д. 198, л. 84 об.]. Как видно из отрывка, крестьяне прекрасно понимали ущербность чересполосицы и, как при хуторском или отрубном хозяйстве, требовали сведения земли в один массив.

Аграрные преобразования большевиков, осуществляемые на базе экспроприационной идеологии, и условия их проведения в 1918–1919 гг. сыграли с крестьянством злую шутку. Новая власть сняла психологический барьер в крестьянском менталитете, позволив земледельцам массово участвовать в экспроприационных процессах. Итоги земельного передела и расхитительства не только не удовлетворили крестьян, но в большей степени обострили противоречия внутри крестьянского мира. Частнособственнический инстинкт крестьян консервировал крестьянские общества, консолидировал их интересы против любого внешнего элемента. В этих условиях создание новых форм хозяйствования было более чем проблематично. Однако большевистское руководство было жестко нацелено на формирование коллективных форм хозяйствования, которым изначально придавалась определенная направленность – обеспечение продовольственных потребностей Красной армии и пролетариата городов. «...Каждый коллектив должен не позднее 18 августа с. г. (1919 г. – Э.Г.) доставить на ближайший ссыпной пункт не менее 1/2 пуда с десятины засеянной всей площади озимого и ярового. Все коллективы обязательно должны выполнить означенное постановление, так как они являются первыми помощниками в социалистическом строительстве и в трудную минуту должны откликнуться и помочь Красной армии и голодающему пролетариату, который ждет помощи от тех, кто откликнется в первую очередь», – говорилось в телефонограмме заведующего Бюро коллективных хозяйств, направленной волземкомам Елецкого уезда в начале августа 1919 г. [1, д. 198, л. 163].

Став на путь формирования коллективных хозяйств, большевистская власть рано или поздно должна была подойти к открытому столкновению с крестьянством. Трагедия коллективизации 1930-х гг. была предопределена уже в начале проведения аграрной политики большевиков. Гражданская война и последовавший за ней период НЭПа отодвинули во времени эту трагедию, но не отвратили ее. Частнособственническая ментальность крестьян противоречила идеологическим построениям большевизма и должна была стать жертвой аграрной модернизации.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Липецкой области. Фонд Р-150. Земельное управление исполнительного комитета Елецкого уездного Совета РК и КД. Опись 1.
2. *Николашин В.П.* Социализация земли и крестьянство Елецкого уезда Орловской губернии в условиях аграрных трансформаций 1918 г. – URL: http://aon.urgau.ru/uploads/article/pdf_attachment/51/ (дата обращения – 01.03.2015).